

Посвящается Сэмюэлу

ГЛАВА 1

Когда я была маленькой, мама постоянно придумывала игры. «Кто дольше всех промолчит». «Съешь печенье как можно медленнее!» И многолетний наш фаворит, «Марш-мэллоу», игра, в которой нужно было есть зефирки, натянув на себя дутую теплую куртку, чтобы не включать в доме отопление. Когда отключали электричество, мы играли в «Фонарик». Спокойным шагом мы никогда не ходили, а вечно бегали наперегонки. Пол практически всегда был «лавой». А подушки нужны были в первую очередь для того, чтобы строить крепости.

Самая долго продержавшаяся наша игра называлась «Есть у меня секрет». По мнению мамы, у каждого он должен был быть — хотя бы один. Иногда она угадывала мой. А иногда — нет. В эту игру мы играли каждую неделю, вплоть до моего пятнадцатилетия, пока один из маминых секретов не закончился больничной койкой.

А вскоре мама умерла.

— Твоя очередь, принцесса. — Хриплый голос вернул меня к реальности. — Я с тобой тут весь день сидеть не буду.

— Я тебе не принцесса, — возразила я и сделала ход конем. — Теперь ты ходи, *дедуля*.

Гарри хмуро посмотрел на меня. Сколько лет ему было, я не знала, и не имела ни малейшего понятия, как же так вышло, что он стал бездомным и поселился в парке, где мы теперь и играли с ним в шахматы каждое утро. Зато соперником он был сильным — уж это-то я знала наверняка.

— Страшный ты человек, — проворчал он, опустив взгляд на доску.

Всего три хода спустя я его разгромила.

— Шах и мат, Гарри! Сам знаешь, что это значит!

Он смерил меня мрачным взглядом.

— Что ты купишь мне поесть, а я не буду возражать.

Таковы были условия нашего долгосрочного пари. Если победа была за мной, то он не имел права отказаться от бесплатного угощения.

Во мне вспыхнул крошечный огонек злорадства.

— Здорово быть королевой, как ни крути!

* * *

В школу я успела, но чудом. Делать все впрытик давно вошло у меня в привычку. С оценками получалась ровно та же история: я вечно ходила по краю, проверяя на собственном опыте, какой же объем минимальных усилий нужен, чтобы получить пятерку? Причиной была вовсе не лень, а практичность. Дополнительная смена на работе явно стоит того, чтобы получить за домашку 92 балла, а не 98.

Я сидела на уроке испанского и писала сочинение по английскому, когда меня вдруг вызвали к директору. Таким как я полагалось быть тише воды ниже травы. Таких как я не вызывали в директорский кабинет. Такие как я старались совершать как можно меньше промашек — а в моем случае их нельзя было допускать вовсе.

— Эйвери! — сказал мистер Альтман, директор школы, увидев меня на пороге. Голос у него был далеко не радушный. — Присаживайтесь.

Я села.

Он сцепил руки на столе и посмотрел на меня.

— Полагаю, вы догадываетесь, почему я вас вызвал.

Если речь пойдет вовсе не о еженедельной игре в покер, которую я устраивала на парковке, чтобы было на что покупать

завтрак для Гарри — а иногда и самой себе, — то я понятия не имела, чем могла вызвать интерес администрации.

— Простите, но нет, не догадываюсь, — призналась я, приняв смиренный вид.

Мистер Альтман помолчал немного и протянул мне стопку бумаг, скрепленных степлером.

— Это тест по физике, который вы писали вчера.

— Ну да, — ответила я. Мистер Альтман явно ждал иного ответа, но у меня его не было. Я усиленно готовилась к этому тесту. И никак не могла написать его настолько плохо, чтобы меня вызвали в директорский кабинет.

— Мистер Йейтс проверил работы, Эйвери. Вы — единственная, кто правильно ответил на все вопросы.

— Здорово, — отозвалась я, хотя меня так и подмывало второй раз ответить ему «Ну да».

— Вовсе нет, юная леди. Дело в том, что мистер Йейтс специально составляет проверочные работы таким образом, чтобы их крайне сложно было выполнить. За двадцать лет еще никто не решал все задания правильно. Теперь понимаете, в чем проблема?

— В учителе, который придумывает до того сложные тесты, что большинство учеников не справляются? — съязвила я, не успев прикусить язык.

Мистер Альтман сощурился.

— Эйвери, вы хорошая ученица. Не побоюсь этого слова, блестящая, учитывая ваши обстоятельства. Вот только не припомню, чтобы вы раньше набирали максимальный балл.

Справедливое замечание. Так почему у меня вдруг такое чувство, будто меня ударили под дых?

— Я с большим сочувствием отношусь к вашей ситуации, — продолжил директор Альтман. — Но хочу, чтобы вы были со мной честны. — Он внимательно заглянул мне в глаза. — Вы знали, что мистер Йейтс хранит файлы с заданиями в облаке? — спросил он. Так, значит, он думает, что я схитрила. Он

сидел за своим столом и не сводил с меня тяжелого взгляда, но, казалось, в упор не видел самой сути.

— Я хочу вам помочь, Эйвери. Вы прекрасно справляетесь, особенно в тех непростых условиях, с которыми вам пришлось столкнуться. Я бы очень не хотел, чтобы ваши планы на будущее, которые вы, вероятно, строите, потерпели крах.

— Планы, которые я, *вероятно*, строю? — повторила я. Носи я другую фамилию, будь мой отец дантистом, а мать — домохозяйкой, он вряд ли бы позволил себе такую формулировку.

— Я учусь в предпоследнем классе, — процедила я. — В следующем году я окончу школу с аттестатом, в котором будут проставлены баллы по меньшей мере за два семестра академической работы. По итогам экзаменов я смогу претендовать на стипендию и учебу в Университете Коннектикута, одном из лучших вузов в стране, где преподают актуарную науку.

Мистер Альтман нахмурился.

— Актуарную науку?

— Статистическую оценку рисков.

Из всех доступных направлений именно это эффективнее прочих помогло бы мне достичь совершенства в покере и математике. Кроме того, с таким образованием было проще всего устроиться на работу, о чем наглядно свидетельствовала общемировая статистика.

— Стало быть, вы у нас любите просчитывать риски, мисс Грэмбс?

Он что, снова намекает, что я *смухлевала*, пока писала тест? Надо было сдержаться, не поддаваться злости. Поэтому я представила, что играю в шахматы. Просчитала в голове все ходы. Таким как я нельзя взрываться.

— Я не мухлевала, — спокойно ответила я. — Просто тщательно подготовилась к тесту, вот и все.

Я выкраивала на это время где только могла — на других уроках, между сменами, поздно ночью, когда уже давно пора

было спать. Я прекрасно знала о любви мистера Йейтса к невыполнимым заданиям, но это лишь раззадорило мой пыл — мне захотелось доказать, что они вполне себе выполнимы. Впервые за долгое время мне хотелось выложиться на полную, а не экономить усилия.

И вот она, *награда* за мои старания. А все потому, что девушки вроде меня, видите ли, не в силах сдать «невыполнимый» тест.

— Я пересдам этот тест, — сказала я, стараясь скрыть ярость и уж тем более обиду. — Вот увидите, результат будет таким же.

— Мистер Йейтс уже подготовил тест. Заменяет все задания на новые, но не менее сложные. Что вы скажете на это?

— Я готова его написать, — не медля ни секунды, ответила я.

— Предлагаю сделать это завтра на третьей перемене, но должен вас предупредить, что будет куда лучше, если вы..

— *Прямо сейчас.*

Мистер Алтман удивленно уставился на меня.

— Прошу прощения?

Смиренного вида как не бывало, как и желания быть тише воды и ниже травы.

— Я хочу написать новый тест прямо сейчас, у вас в кабинете.

ГЛАВА 2

— **Т**яжелый выдался денек? — спросила Либби, моя сестра. Она была старше меня на семь лет и проявляла к этому миру до того сильное сочувствие, что ей и самой временами от этого становилось несладко — а мне уж тем более.

— День как день, — ответила я. Рассказ о том, как меня вызвали к Альтману, ее только встревожил бы, да и потом, пока мистер Йейтс не проверит мой второй тест, все равно ничего не предпринять. Так что я сменила тему. — Сегодня давали щедрые чаевые.

— Да? И сколько? — Одеваться Либби предпочитала как панк или гот, но в душе была неисправимой оптимисткой, крепко верящей в то, что в забегаловке, где большинство блюд стоит шесть долларов девяносто девять центов, и впрямь можно урвать чаевые в тысячу.

Я протянула ей кипу мятых банкнот.

— На оплату жилья хватит.

Либби попыталась было вернуть мне деньги, но я проворно отскочила, и она не успела этого сделать.

— Я их сейчас в тебя кину, — мрачно пообещала она.

Я пожала плечами.

— Увернусь, не беда.

— Нет, ты просто невыносима. — Либби неохотно убрала деньги, достала неведомо откуда форму для запекания и строго на меня воззрилась. — А я тогда тебя маффином угощу. Отказы не принимаются!

— Есть, мэм! — воскликнула я и уже потянулась было за кексом, как вдруг заметила, что на столике стоят еще и капкейки. У меня точно земля из-под ног ушла.

— Только не это, Либ...

— Пойми меня правильно, — поспешно заговорила Либби. Она из тех, кто любит печь вкусности в знак примирения. Чтобы загладить вину. На ее языке это значило «не злись на меня, пожалуйста».

— А что тут вообще можно понять неправильно? — тихо спросила я. — Хочешь сказать, он не вернется в эту квартиру?

— В этот раз все будет иначе! — заверила меня сестра. — А капкейки, между прочим, шоколадные!

Мои любимые.

— Да ничего не изменится! — воскликнула я, но переубедить Либби было невозможно — иначе это у меня давно уже получилось бы.

И тут, точно почуяв, что речь зашла о нем, парень Либби, который то появлялся в ее жизни, то исчезал и очень любил поколачивать стены и хвастаться тем, что саму Либби он, дескать, не бьет, — вошел в комнату. Он схватил со стола капкейк и скользнул по мне недобрым взглядом.

— Ну привет, малолетка!

— Дрейк! — одернула его Либби.

— Да ладно тебе, Либбик, я же шучу, — с улыбкой ответил Дрейк. — А то ты не видишь! Вам с сестрой пора бы научиться понимать шутки.

Он пробыл в комнате всего минуту, а уже начинал действовать мне на нервы.

— Либби, у вас нездоровые отношения, — сказала я. Дрейк был против того, чтобы сестра пускала меня в квартиру, и никак не мог ей этого простить.

— Между прочим, это не твоя квартира, — отрезал он.

— Эйвери — моя сестра! — возразила Либби.

— Наполовину, — поправил ее Дрейк и вновь улыбнулся. — Шутка.

И все же в этой шутке была изрядная доля правды. У нас с Либби был общий отец, который в свое время бросил нас обеих, но родились мы от разных матерей. В детстве мы виделись от силы раз-два в год. И потому все очень удивились, когда два года назад Либби взяла надо мной опеку. Она была еще совсем юной. И еле-еле сводила концы с концами. Но Либби есть Либби. Человеколюбия у нее в избытке.

— Если Дрейк останется, то уйду я, — тихо сказала я.

Либби взяла капкейк и сжала его в ладонях.

— Эйвери, я делаю все, что в моих силах.

Она привыкла угождать людям. А Дрейк обожал ее провоцировать. Любил делать ей больно моими руками.

А я не могла просто сидеть и ждать, когда он перестанет бить стены и найдет себе новую мишень.

— Поживу пока в машине. Если понадобится, ищи меня там, — сказала я сестре.

ГЛАВА 3

Мой древний «Понтиак» уже давно превратился в ржавую рухлядь, но обогрев в нем (как правило) работал — и на том спасибо. Я припарковалась за кафе, вдалеке от чужих глаз. Либби написала мне сообщение, но я так и не смогла заставить себя на него ответить и просто уставилась в потрескавшийся экран телефона. В мой тарифный план не был включен Интернет, поэтому выйти в Сеть я никак не могла, зато у меня имелся безлимитный пакет смс.

В моей жизни, кроме Либби, был только один человек, которому можно было написать в такой ситуации. Макс. Как и всегда, сообщение мое было коротким и информативным: *«Сама-знаешь-кто-вернулся»*.

На быстрый ответ я не рассчитывала. Родители Макс внесли в распорядок дня время, когда пользоваться телефоном ей было строго-настрого запрещено — а нередко и вовсе его конфисковывали. А еще они печально известны своей любовью к чтению ее переписок, поэтому я не стала упоминать имя Дрейка и ни слова не сказала о том, где именно планирую заночевать. Семейству Лью, и уж тем более приставленному ко мне соцработнику, не стоило знать, что я нахожусь вовсе не там, где должна.

Я убрала телефон и покосилась на рюкзак, лежащий на пассажирском сиденье, но все же решила отложить домашку до утра. Потом откинулась на спинку водительского кресла и закрыла глаза, но сон все не шел, и я достала из бардачка единственную ценность, оставшуюся у меня от мамы, — стопку от-